

doi.org/10.31861/pytlit2019.100.155

УДК 82.0(474.5)(092)

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОГО ЛИТОВСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ФЕНОМЕН ЙОЗЕФА ЭРЕТА

Сильвестрас Гайжюнас

orcid.org/0000-0003-3480-7382

silvestrasg@gmail.com

Доктор гуманитарных наук

г. Паневежис, Литва

Аннотация. Статья является критическим очерком о деятельности швейцарца Йозефа Эрета (Juozas Eretas, 1896–1984), одного из основоположников литовского литературоведения XX в., истоки которого тесно связаны с возрождением государственности Литвы (1918 г.). Воспитанный на идеях так называемой школы швейцарского Фрибура, Й. Эрет представлял собой тип католического учёного. Он акцентировал значимость связи между исследованием и мышлением. В 20–30-е гг., овладев в совершенстве литовским языком, Эрет закладывает основы аналитической критики в связи с появлением первых переводов мировой литературы на литовский язык (статья „Данте у нас”), сам берется за переводы, становится фундатором литовской германистики, уделяя основное внимание истории средневековой немецкой литературы, наследию мистиков, литературе „Бури и натиска”, в первую очередь – наследию Гёте и Шиллера. Свой вклад Эрет внес и в становление литовской теории литературы: „Создавая философскую критику литературы” (лекция, 1922), „Философия и поэзия” (1924), „Методы анализа литературы” (1929). Подход Эрета к немецкой литературе был подчеркнута концептуальным, в основе чего лежала мысль о ее общечеловеческом характере. Эта мысль развивалась, в первую очередь, в отношении Гёте: монографии „Молодой Гёте” (1932), „Гёте” (1933) и „Гёте 100 лет спустя” (1932). Особым было отношение Эрета к гётевскому „Фаусту” –

он интерпретирует главного персонажа типологически, как „вечный образ” мировой культуры, указывая на повышенное внимание к этому образу в эпоху „Бури и натиска”. Интересной является трактовка главных героев – Фауста и Мефистофеля, вместе представляющих характерную для романтизма идею „двоемирия”. Первым в литовском литературоведении Эрет прокомментировал роман Гёте „Годы учения Вильгельма Мейстера” как роман воспитания. Вторым важнейшим объектом для Эрета была история мировой мистики (работа „Из истории мистики”, а также монографии о Таулере, Экхарте и Сузо).

Ключевые слова: Йозеф Эрет, литовское литературоведение, философская критика, „Буря и натиск”, фаустовская традиция, роман воспитания, мистика, литературные связи.

Истоки литовского литературоведения тесно связаны с 1918 г., с возрождением государственности Литвы. В 1919 г. в Каунас прибывает молодой филолог из Швейцарии Йозеф Эрет (Juozas Eretas, 1896 – 1984). Ещё в Швейцарии он заинтересовался судьбой литовского народа и написал книгу по истории и культуре Литвы (*Litauen in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft*, Bern, 1919), которая считается первым из исследований по культуре стран, получивших независимость после Октябрьского переворота 1917 г. Первичной целью его переезда была помощь Литве в укреплении независимости. Ученый активно включается в разнообразные сферы общественной деятельности, в частности, становится ведущим германистом Литовского университета имени Витаутаса Великого. Прибыв совсем молодым в чужую страну, еще не особо отличившись в науке, Й. Эрет стремительно набирает скорость и всего за 14 лет становится известным филологом, автором десятков статей и монографий по истории литературы, науки, по связям литературы с философией и пр.

Из оккупированной Литвы Эрет с семьей возвращается на родину, продолжая и здесь свою научную деятельность. Правда, теперь он работает простым учителем колледжа в родном Базеле. Снова, как и в юности, швейцарский учёный пишет на немецком, продолжая писать и на литовском: на немецком для швейцарских читателей, на литовском для литовцев в изгнании.

Исследователь представляет собой тип католического учёного. По его собственному убеждению, католичество создало интегральный тип учёного, соответствующий всем необходимым требованиям. Этот синтетический тип мыслителя во все времена охранял науку как от дезинтергации, так и от беспредельного синтеза. Эрет акцентировал важную связь между исследованием и мышлением. По его мнению, новое время научилось исследовать, но отвыкло размышлять. По этому поводу он отмечал, что

настоящее познание должно начинаться с вертикального исследования, т. е. с мышления <...>. Результаты исследования как такового не являются конечной целью науки, это только введение в настоящее познание, невозможное без интенсивного мышления (Šalkauskis 1972).

Отсюда Эрет выдвигает понятие „интегральный (христианский) гуманизм”, который обязует каждое явление видеть и в контексте времени, и в контексте вечности, что может вывести современного человека из кризиса.

Тут особый интерес представляет работа, посвящённая 100-летию Ипполита Тэна (1928). Французский литературовед-позитивист рассматривается Эретом как пример такой науки, которая не имеет будущего, поскольку является наукой без веры, служит даже не жизни, а исключительно научным теориям. Тогда как для Эрета история литературы – не замкнутый в себе процесс, исходя из чего, ученый многократно обращается к проблемам связей литературы с философией, культурой, религией. Литературоведческий дискурс Эрета, в частности, тесно связан с культурологией. В контексте истории литовского литературоведения Эрет важен еще и тем, что стоит у истоков литовской компаративистики.

По характеру своей методологической платформы Эрет представляет так называемую школу швейцарского Фрибура. Его учителями были такие видные учёные, как Йозеф Надлер (Joseph Nadler, 1884–1963), Густав Шнюрер (Gustav Schnürer, 1860–1941), известный своей работой „Церковь и культура в средние века”, Марк де Мунинк (Mark de Munnynck, 1871–1945). Й. Надлер был ведущим. Два выдвинутые им принципа стали определяющими

ориентирами для Эрета – о научной точности и стилистической перфектности. Будучи швейцарцем, Эрет за короткое время не только выучил литовский язык, но и стал одним из лучших литовских стилистов – его стиль, на мой взгляд, трудно превзойти и сегодня. Швейцарский филолог владел литовским языком настолько, что мог писать аналитическую критику о первых попытках переводов мировой литературы на литовский язык (к примеру, статья „Данте у нас”). Более того, Эрет и сам переводил иностранных авторов на литовский язык (Генриха Сузо „Трактат об истине”, проповеди Йоханна Таулера).

В 20-е и 30-е годы Эрет своими трудами закладывает основы литовской германистики. В данном случае, основное внимание уделялось истории средневековой немецкой литературы, наследию мистиков, литературе „Бури и натиска”, творчеству Гёте и Шиллера. Из-под его пера вышла работа „Из истории мистики”, а также монографии о великих немецких мистиках Йоханне Таулере, Мастере Экхарте, Генрихе Сузо.

Подход Эрета к немецкой литературе был подчеркнута концептуальным. Так, во вступлении к его „Истории немецкой литературы” акцентировался общечеловеческий характер немецкой литературы, её „вненациональность”, охватывавшая несколько регионов Европы.

Откликаясь на 100-летие со дня смерти Гёте, Эрет написал о нём несколько книг. Монографии „Молодой Гёте” (1932), „Гёте” (1933) и „Гёте 100 лет спустя” (1932) отличаются оригинальной интерпретацией гётевского „Фауста” и других его произведений. Специальную работу Эрет посвятил стилю писателя „Суть Гёте”. Здесь учёный развивает основной тезис: веймарский классик, по его мнению, был во всех случаях лириком – не только в поэзии, но и в драматургии и романах, подчеркивая, что „в арсенале его поэтики лирика – самое мощное оружие” (Eretas 2006b: с. 173).

Подход Эрета к гётевскому „Фаусту” был особым. Монография „Молодой Гёте” (1932) подробно знакомила читателя с фаустовской традицией как таковой, показывая, как подошёл к теме Фауста молодой Гёте, какие у него были предшественники. Фауст в освещении Эрета представал не только исключительно

немецким, но и „вечным образом” мировой культуры: „Фауст столь же древний образ, как и человечество, поскольку во все времена человек чувствует свою ограниченность и свои слабые силы” (Eretas 1932: с. 144). Эрет отмечал, что фаустовских идей было множество в эпоху „Бури и натиска”, останавливаясь на тех авторах, которых этот персонаж занимал до Гёте. Большое внимание, в частности, уделил Христоферу Марлоу.

В таком контексте Эрет анализирует написанный молодым Гёте первый вариант „Фауста”, так называемый „Прафауст” („Urfaust“, 1773 / 1775). Эрет отмечает, что „Прафауст” – шедевр, несмотря на то, что является фрагментом. Особого внимания, по его мнению, заслуживают блестящий язык и стиль произведения, так называемый Knittelvers. Интересной предстает и трактовка главных героев Фауста и Мефистофеля. Исследователь находит, что оба они обозначают два полюса одного существа: „эти диалоги являются двумя сторонами одного и того же монолога”. Фауст (один полюс) концентрирует жажду познания, абсолютную тоску, Мефистофель (другой полюс) олицетворяет временное, связанное с земными радостями (Eretas 1932: с. 149).

В целом, немецкая культура для Эрета является самым ярким примером культурного синтеза. Прослеживая жизненный путь и творчество Гёте в монографии „Гёте” (1933), Эрет чётко определяет те компоненты его мировоззрения, которые свидетельствуют о „синтетическом” мышлении писателя. Так, Елена и Mater Gloriosa в „Фаусте” в интерпретации Эрета свидетельствует о том, что Гёте свой микрокосмически-антропоцентрический мир открыл макрокосмически-теоцентрическому. По убеждению швейцарского исследователя, весь творческий путь Гёте свидетельствует об удачном совмещении национальной природы, классической культуры и христианского начала, что соответствует сущности европейской культуры. (Не случайно Эрет в данном случае цитирует любекского поэта Эмануэля Гейбеля (1815–1884): „Drei sind einer in mir: der Helene, der Christ und der Deutsche” – „Трое во мне объединены: Елена, Христос и немец”). Синтез трёх начал, по Эрету, воплощён в „Фаусте”.

В этом же плане учёный особое внимание уделяет духовным связям между Югом и Севером. По его убеждению, Гёте

и Винкельман выражают колебание немецкого духа между этими полюсами, самое „Drang nach Süden” немецкой культуры. Оба гения воплотили тысячелетнюю тоску по Югу. В „Фаусте”, как полагает Эрет, Гёте решил весь холодный север соединить со счастливым югом, Фауста свести с Еленой, ставшей для него символом новой жизни и искусства.

Помимо этого, Эрет останавливается на пьесе Гёте „Рыбачка” и на песне невесты (Brautlied), в основу которой была положена литовская народная песня, найденная им у Гердера. Вопреки тому, что Гёте для Эрета в первую очередь лирик, высоко оцениваются и его эпические жанры.

Именно Эрет первым в литовском литературоведении комментирует роман Гёте „Годы учения Вилгельма Мейстера”, вводя его в контекст романа воспитания и точно определяя эту жанровую разновидность.

Реализовать свой план ему легко удалось и потому, что хватало образцов, которые как бы подготовили путь его роману в жизнь. Ведь в 18 веке были модными так называемые Erziehungsromane, романы воспитания (Eretas 1932: с. 123).

В данном случае Эрет обозначает ту проблематику, которой позже уделил внимание как М. Бахтин, так и многие другие его последователи, расширяя жанровое поле романа воспитания. У Эрета, в частности, хорошо показана связь гетевского „Вилгельма Мейстера” с идеями философии того времени: „Произведение стало настоящим романом воспитания. Целью воспитания является гуманность – всестороннее и только своими усилиями достижимое развитие всех своих человеческих свойств” (Eretas 1933: с. 123).

Эрет актуализирует отношение Гёте к мировой литературе, цитируя хорошо известные слова поэта, записанные Эккерманом 31 января 1827 года: „Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению”. Отсюда вытекает вывод Эрета: для Гёте важно чувствовать всеобщий гений человечества. В „Веймарский блок” исследований Эрета следует включить небольшую сравнительную работу, посвящённую Гёте

и Шиллеру, в которой сравниваются два типа личности в соответствии с мировоззренческими основами и эстетикой каждого из писателей: Гётевское мировоззрение и его эстетику формировала природа и классическое искусство, у Шиллера в основе лежит философия и история.

Гёте для Эрета интересен не только как гениальный писатель. Веймарский классик его интересует и как самый яркий пример противостояния христианства и гуманизма. По мнению Эрета, ещё никогда со времён Христа гуманизм так не поднимался против всего христианского в лице культуры и гениального творчества (статья „Гёте спустя 100 лет”). Противопоставление христианства и культуры, теоцентрического и гуманистического понимания мира было постоянным объектом внимания самого Эрета, о чем говорит его программная работа „Quid de noscete? Пути и этапы духовного кризиса наших дней”, где анализировалось вытеснение доминировавшей на протяжении веков теоцентрической концепции мира (от средневековья до наших дней) антропоцентризмом.

История мировой мистики – второй важнейший объект исследований Эрета. В Литве и по сей день он остаётся непревзойденным знатоком европейской и мировой мистики. Его работа „Из истории мистики”, а также монографии о Таулере, Экхарте и Сузо охватом своей проблематики и методологией выходят за рамки литературоведения, открывая панораму широкой философской и религиозной традиции, пережившей несколько веков. В работах, посвящённых немецким мистикам, Эрет углубляется в их биографии, подробно анализирует стиль их произведений, влияние на литературу и духовную жизнь Европы. Излюбленным приёмом выступает подробное описание места рождения и жизни интересующих его персонажей. К примеру, сосредотачиваясь на панораме Рейна, Эрет именует Таулера соответственно: „дитя Рейна”. „Рейн – его рабочая линия, ось его мира. Вокруг него кружится его мысль, шагают его войска. Его слова плывут по течению, ибо его лицо обращено к северу. Его не интересует то, что происходит на юге” (Eretas 1930: с. 57). Исходя из подобных примеров, швейцарский ученый написал и специальную работу „Стиль и язык мистиков”.

Работа Эрета „Из истории мистики” была задумана как краткий очерк истории мистики (начиная от примитивных народов вплоть до Экхарта), одновременно и как введение в „Историю немецкой мистической литературы в Средние века”. Здесь Эрет охватывает несколько локусов мировой мистики, имевших значение для мистики новых времен – индийскую, арабо-персидскую, греческую. В этом контексте и в культурологическо-литературоведческом дискурсе Эрета, в целом, первостепенной фигурой был Платон, привлекавший не только мистицизмом, но и особой способностью синтезировать несколько идеологий и мировоззрений.

Он, охватывая всю духовную жизнь геленов, был и философом, и художником, и воспитателем народа, и сильной религиозной личностью. Он усвоил целый круг религиозных явлений, в котором встретил как дионизийские и орфические мистерии, так и пифагорейский мистицизм (Eretas 2006a: с. 107).

Вслед за Платоном, сам Эрет принадлежит к числу тех авторов, которых можно назвать универсальными. Отсюда его внимание преимущественно привлекали те фигуры мировой литературы и культуры, которые не вписывались только в литературные рамки или рамки культуры, а выступали универсальными личностями, как и он сам. Такими были мистики, таким был Гёте. К таким можно в значительной мере отнести и таких выдающихся деятелей Литвы, как географ Казис Пакштас, философ Стасис Шалкаускис (не случайно их яркие биографии принадлежат перу Эрета).

Он был не только литературоведом-германистом. Широкий круг его интересов в какой-то мере обусловлен литовским контекстом его деятельности, поскольку как после 1918-го, так и после 1945 годов в этом плане не раз ему приходилось быть первопроходцем, одновременно – историком культуры, публицистом, даже политологом.

Заслуживают также внимания и некоторые теоретические работы и концепции Эрета, появившейся в Литве в 20-х годах: „Создавая философскую критику литературы” (лекция, 1922), „Философия и поэзия” (1924), „Методы анализа литературы” (1929).

Особый интерес представляют размышления Эрета о родстве философии и поэзии. Опираясь на известные примеры (из Платона, Декарта, Карлайля, Ницше), он раскрывает, как часто философия, прибегая к литературным приёмам, становится частью литературы. В его понимании, философу порой не хватает понятий или формул, почему он и прибегает к поэтическому языку. Поэзия появляется уже за пределами логики разума, тяжеловесная рефлексия, играя, переходит в лапидарный язык поэзии.

Сама такая постановка вопроса, изучение взаимодействия между литературой и философией не были спекулятивными, а диктовались именно историей немецкой культуры, где союз философии и поэзии особенно чётко просматривался, начиная еще со средних веков, отличавшихся единством духовной жизни. К этому единству снова устремился и 18 век: Лессинг, Гердер, Шиллер и Гёте являются лучшими примерами этого нового единства философии и поэзии.

Перу Эрета принадлежит и ряд исследований по литературным связям. Основное внимание Эрет уделяет немецко-литовским и швейцарско-русским связям. В первую очередь здесь упомянем работу „Русские годы Шпиттелера”. В лице швейцарского писателя Карла Шпиттелера, который 9 лет прожил в России, Эрет находит как бы духовного собрата – из числа таких, какими были и санкт-петербургские миссионеры-гернгутеры, которым была посвящена его работа „Зарождение базельской миссии в России” („Die Anfänge der Basler Mission in Russland, 1820–1825”, 1951). Этот блок исследований дополняют оригинальные исследования, посвящённые тичинским архитекторам, работавшим в бывшей Российской империи.

Наконец, в контексте сказанного, особое место занимают исследования Эрета, посвящённые выдающемуся представителю так называемой Малой Литвы, прусскому литовцу (или малолитовцу) Людовику Резе (Ludwig Rhesa, 1776–1840) и его связям с Гёте. В литовском литературоведении Реза титулован основоположником литовской культуры, что и привлекло внимание швейцарского учёного.

Именно Реза в 1818 году на свои деньги издал „Времена года” Донелайтиса и первый сборник литовских народных песен („Dainos

oder Litauische Volkslieder”, 1825), благодаря которому Реза контактирует с Гёте. Обратившись к Гёте с просьбой написать вступительную статью к сборнику, он получил согласие веймарского классика – к сожалению, обещание не было выполнено. Правда, Реза проявил настойчивость, послав сборник в Веймар, и Гёте отреагировал на него в одной из рецензий. Более того, позже Эрет внимательно проанализировал все документы, которые Гёте оставил, реагируя на сборник. Однако не только это обстоятельство сближает имена двух авторов. Анализируя в своей работе поэтическое наследие Резы, Эрет обнаруживает очень интересные параллели его текстов с поэзией Гёте. Скажем, в стихотворении Резы „Кладбище в Карвайчяй” („Carvitas Graeber”) он слышит некоторые отзвуки „мировой скорби” и, соответственно, определённое влияние молодого Гёте.

Вопрос о национальности Резы порождает невольную ассоциацию с биографией самого Эрета. В статье „Отношения Резы с Гёте” Эрет пишет:

Вместе с Цицероном Реза мог бы сказать: в одном человеке я объединяю три персоны, так как по происхождению будучи куроном, по культуре – немцем, а по самоопределению – литовцем, Реза на самом деле был сложной личностью. Но эти три элемента оценивал неодинаково: первый старался забыть, второй находил естественным, только третий больше ценил, поскольку приобрел его, свободно определяясь, и ещё в те времена, когда литовская культура не могла равняться с немецкой, и была ему самой дорогой (Šalkauskis 1972).

Отсюда и вытекает параллель с биографией Эрета, который, будучи швейцарцем по происхождению (из немецкой части Швейцарии), в известной степени стал литовцем.

В работе „Родина Резы” Эрет повествует о драматической истории деревни Карвайчяй – родины Резы, занесенной песком в конце 18 века. Тут рассматриваются также работы кенигсбергского профессора Хассе, благодаря которым родина писателя стала очень популярной, в частности, его привлекла мистификация кенигсбержца „Прусские притязания, или Как Янтарный край стал раем предков и прародиной человечества; опираясь на произведения библейских, греческих и латинских

авторов всем доступным языком доказал Др. Йох. Хассе” (1799). Эрет подверг критике этот текст, но и подчеркнул, что эта книга могла повлиять на сознание молодого Резы.

Что на сегодняшний день остаётся значимым в исследованиях Эрета для литовского литературоведения? Он положил начало сравнительным исследованиям. По сей день он здесь считается непревзойдённым знатоком творчества Гёте, виднейшим исследователем мистики. Актуальным остаётся и его культурологический метод, а также яркий стиль критического письма.

References

- Eretas, J. (1930). *Jonas Tauleris iš Strassburgo*. Kaunas : Vytauto Didžiojo, 128 p.
- Eretas, J. (1932). *Jaunasis Goethe*. URL: <http://www.epaveldas.lt/vbspi/biRecord.do?biExemplarId=109341&biRecordId=12103> (accessed: 29 March 2019).
- Eretas, J. (1933). *Jonas Wolfgangas Goethe*. Kaunas : paudė “Šviesos” spaustuvė, 263 p.
- Eretas, J. (1937). *Rėzos gimtinė*. URL: <https://www.epaveldas.lt/vbspi/biRecord.do?biExemplarId=109335&biRecordId=12103> (accessed: 29 March 2019).
- Eretas, J. (1938). *Rėzos santykiai su Goethe*. URL: <https://www.epaveldas.lt/vbspi/biRecord.do?biExemplarId=109333&biRecordId=12103> (accessed: 29 March 2019).
- Eretas, J. (2006a). Iš mistikos istorijos. In: *Kultūra. Mokslas. Religija*. Vilnius : Pasviręs pasaulis, pp. 88–165.
- Eretas, J. (2006b). Esmingasis Goethe. In: *Kultūra. Mokslas. Religija*. Vilnius : Pasviręs pasaulis, pp. 166–179.
- Šalkauskis, S. (1972). Įvadinis žvilgsnis: tarp dviejų pasaulių. In: *Didysis jo nuotykis*. Brooklyn, N.Y., pp. 7–21. URL: <http://www.prodeoetpatria.lt/index.php/tevyne/knygos-uz-tevyne/142-didysis-jo-nuotykis-prof-j-eretas-tarnyboje-lietuvai> (accessed: 29 March 2019).

БІЛЯ ВИТОКІВ СУЧАСНОГО ЛИТОВСЬКОГО ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА. ФЕНОМЕН ЙОЗЕФА ЕРЕТА

Сильвестрас Гайжюнас

orcid.org/0000-0003-3480-7382

silvestrasg@gmail.com

Доктор гуманітарних наук

м. Паневежис, Литва

Анотація. Стаття є критичним нарисом про діяльність швейцарця Йозефа Ерета (Juozas Eretas, 1896–1984), одного з основоположників литовського літературознавства ХХ ст., витоки якого тісно пов'язані з відродженням державності Литви (1918 р). Вихований на ідеях так званої школи швейцарського Фрібура, Й. Ерет представляв тип католицького вченого. Він акцентував значущість зв'язку між дослідженням і мисленням. У 20–30-ті рр., досконало оволодівши литовською мовою, Ерет закладає основи аналітичної критики у зв'язку з появою перших перекладів світової літератури литовською мовою (стаття „Данте у нас”), сам береться за переклади, стає фундатором литовської германістики, приділяючи основну увагу історії середньовічної німецької літератури, спадщині містиків, літературі „Бурі і натиску”, насамперед – спадщині Гете і Шиллера. Свій внесок Ерет зробив і в становлення литовської теорії літератури: „Створюючи філософську критику літератури” (лекція, 1922), „Філософія і поезія” (1924), „Методи аналізу літератури” (1929). Підхід Ерета до німецької літератури був підкреслено концептуальним, в основі чого лежала думка про її загальнолюдський характер. Ця думка розвивалася, насамперед, щодо Гете: монографії „Молодий Гете” (1932), „Гете” (1933) і „Гете 100 років по тому” (1932). Особливим було ставлення Ерета до гетівського „Фауста” – він інтерпретує головного персонажа типологічно, як „вічний образ” світової культури, вказуючи на підвищену увагу до цього образу в епоху „Бурі і натиску”. Цікаве трактування головних героїв, Фауста і Мефістофеля, що разом втілюють характерну для романтизму ідею „двосвіту”. Першим у литовському літературознавстві Ерет прокоментував роман Гете „Роки навчання Вільгельма Мейстера” як роман виховання. Другим найважливішим об'єктом для Ерета була історія світової містики (праця „З історії містики”, а також монографії про Таулера, Екгарта і Сузо).

Ключові слова: Йозеф Ерет, литовське літературознавство, філософська критика, „Буря і натиск”, фаустівська традиція, роман виховання, містика, літературні зв'язки.

DIE ANFÄNGE DER MODERNER LITAUISCHER LITERATURWISSENSCHAFT. JOSEPH EHRET

Silvestras Gaižiūnas

orcid.org/0000-0003-3480-7382

silvestrasg@gmail.com

Panevėžys, Litauen

Zusammenfassung. Die literaturwissenschaftlichen Untersuchungen von Juozas Eretas (Joseph Ehret) sind ein wichtiger Beitrag zu der litauischen Germanistik der Zwischenkriegszeit. Als methodologische Grundlage diente ihm die Theorie der Kultursynthese. Seine wichtigste Arbeit, die Monographie „Johann Wolfgang Goethe“ (1933), zeigt den deutschen Klassiker in einem breiten Kontext der europäischen Kultur und Geistesgeschichte. Als ein bedeutendes Verdienst sind auch die komparatistischen Forschungen von Juozas Eretas, darunter auch die Abhandlung über Goethes Beziehungen zu der litauischen Kultur (L. Rėza), zu werten. Die Schriften über die deutschen Mystiker Heinrich Seuse, Johannes Tauler und Meister Eckhardt dienen nicht nur zur Aktualisierung der Geschichte der Mystik in Litauen, sondern auch zu einer tiefgründigen Betrachtung über die Anfänge und die Entwicklung der christlichen Mystik als einer europäischen Bewegung.

Schlüsselwörter: Joseph Ehret, Philosophische Kritik, Kultursynthese, faustische Tradition, „Sturm und Drang“, Bildungsroman, Mystik, literarische Beziehungen, Urheimat der Menschheit, der Genius der Menschheit, wergleichende Literaturwissenschaft, Drang nach Süden.

AT THE ORIGINS OF MODERN LITHUANIAN LITERARY STUDIES. PHENOMENON OF JUOZAS ERETAS

Silvestras Gaižiūnas

orcid.org/0000-0003-3480-7382

silvestrasg@gmail.com

Panevėžys, Lithuania

Abstract. The article under studies is a critical survey of the activities of a Swiss scholar Juozas Eretas (1896–1984), one of the founders of Lithuanian Literary Studies, whose origin is closely related to the revival of the Lithuanian State (1918 p). Raised on the principles of the so-called Fribourg School, J. Eretas may be regarded as a vivid example of a catholic scientist. He emphasized the importance of the connection between research and thinking. In the 20-30s, having mastered the Lithuanian language, under the influence of the first translations of the world literary works into Lithuanian, Eretas laid the foundation of analytical

criticism. He also took up the translation and, at the same time, became the founder of Lithuanian Germanic Studies, paying most of his attention to the Medieval German Literature, the heritage of mystics, the literature of “storm and drive”, particularly the works by Goethe and Schiller. In addition, Eretas made a considerable contribution to Lithuanian Theory of Literature: “Creating Philosophical Criticism in Literature” (lecture, 1922), “Philosophy and Poetry” (1924), “Methods of Literary Analysis” (1929). Eretas’ approach to German Literature was purely conceptual and rested on the idea of its universal nature (especially concerning Goethe): monographs “Young Goethe” (1932) and “Goethe Hundred Years Later” (1933). It is worth mentioning Eretas’ attitude to Goethe’s “Faust”. He interprets the main character typologically, as an eternal image of the world culture, pointing hereby to the increased attention to this image during the epoch of “storm and drive”. Eretas’ interpretation of the images of Faust and Mephistopheles, which present the idea of “dual world” that is so peculiar for Romanticism, seems very interesting and promising. Besides, Eretas was first in Lithuanian Literary Studies to refer to Goethe’s “Wilhelm Meister’s Apprenticeship” as to the novel of upbringing. Another significant subject of Eretas’ research was the History of World Mystics (the work “From the History of Mystics”, as well as the monographs on Tauler, Eckhart and Suso).

Keywords: Juozas Eretas, Lithuanian Literary Studies, philosophical criticism, “storm and drive”, Faust tradition, the novel of upbringing, literary ties.

Suggested citation

Gaižiūnas, S. (2019). U istokov sovremennogo litovskogo literaturovedeniia. Fenomen Iozefa Ereta [At the Origins of Modern Lithuanian Literary Studies. Phenomenon of Juozas Eretas]. *Pitannâ literaturoznavstva*, no. 100, pp. 155–168. (in Russian). <https://doi.org/10.31861/pytlit2019.100.155>

Стаття надійшла до редакції 29.03.2019 р.

Стаття прийнята до друку 18.09.2019 р.